

По сравнению с громоздкой системой гражданских экзаменов, военные экзамены были куда проще. Они проводились раз в три года: сначала следовало сдать экзамен по военной стратегии и тактике, а осенью следующего года — экзамен по боевым искусствам.

Тун Даоцзюнь вошел в присутственное место, подал документы на регистрацию и, скользнув равнодушным взглядом по чиновнику, принимавшему бумаги, едва заметно усмехнулся, после чего развернулся и ушел.

— Хозяин системы, вы что, решили сдавать оба экзамена?! — V587, увидев, как Тун Даоцзюнь подал заявки и на гражданский, и на военный экзамены, не удержался от возгласа.

— Именно так.

Даты проведения экзаменов не пересекались. К тому же, самым большим сожалением в жизни прежнего владельца тела, Цзянь Хуншу, было то, что он, будучи законным сыном семьи потомственных военачальников, предпочел литературу военному делу. Почему? Разумеется, потому что его отец, Цзянь Чуцин, сам был никчемным человеком, к тому же совершенно не заботился о сыне и никогда не обучал его даже основам техники копья, поскольку все свои посредственные навыки передал Цзянь Цзяньжэню.

Стоит отметить, что Цзянь Цзяньжэнь, будучи Сыном Судьбы этого мира, обладал изрядной хитростью. Он понимал, что Цзянь Чуцин — пустышка, и преподаваемая им техника копья семьи Цзянь — лишь пустая форма, поэтому потратился и нанял настоящего мастера.

Разумеется, в этот раз Цзянь Цзяньжэнь тоже записался на военный экзамен. Согласно сюжету этого мира, именно он должен был стать У-чжуаньюанем. В противном случае, если бы у него не было ни капли способностей, как бы он смог, опираясь лишь на смазливую внешность, вместе с Шао Цзисюном отправиться в поход на десять государств?

Однако теперь, когда здесь был он, у Цзянь Цзяньжэня не было ни единого шанса стать У-чжуаньюанем.

V587 помолчал немного и с чувством произнес: — И-и-и, вы действительно тот Хозяин системы, которого я выбрал! Какая целеустремленность! Иди сюда, дай поцелую, чмок-чмок!

Тун Даоцзюнь позволил шумному голосу V587 эхом отдаваться в своей голове, прогулялся по улице, купил немало закусок и неспешно побрел обратно в поместье маркиза Цзинань.

На подачу документов отводилось три дня. В сумерках последнего дня, когда Тун Даоцзюнь собирался закончить трапезу, раздался сигнал V587:

— Докладываю, Хозяин системы: Цзянь Цзяньжэнь потратил три тысячи лянов серебра, чтобы подкупить чиновника, отвечающего за прием документов на гражданский экзамен. Сегодня

ночью он собирается выкрасть ваши документы.

Услышав это, Тун Даоцзюнь слегка изогнул губы и прошептал: — Как вовремя!

Затем он оставил пустую миску, вышел за дверь и подал знак в сторону большого дерева во дворе. Мелькнула черная тень — появился Ин-эр.

Достав заранее подготовленное письмо, он протянул его Ин-эру: — Как можно скорее доставь это своему господину.

— Слушаюсь. — Ин-эр принял письмо обеими руками, бережно спрятал его и исчез, едва мелькнув тенью.

Тун Даоцзюнь заложил руки за спину, посмотрел на заходящее солнце и прищурился, на его губах заиграла лукавая усмешка.

— Как думаешь, какое выражение лица будет у Цзянь Цзяньжэня, когда он узнает, что его три тысячи лянов пошли на пополнение государственной казны?

V587 ответило: — Не беспокойтесь, Хозяин системы, я веду круглосуточное наблюдение, чтобы в нужный момент запечатлеть его великолепную физиономию.

С момента их встречи человек и система идеально сработались. Путешествуя из мира в мир, они стали проявлять свои не самые лучшие черты, и больше всего V587 любило фотографировать позорные моменты, когда Сын Судьбы получал пощечину от реальности, чтобы потом «любоваться» ими вместе с Тун Даоцзюнем.

— Ты заснял тот идеальный кадр, где я под углом сорок пять градусов смотрю на закат?

V587 любило коллекционировать фото позора Сына Судьбы, а Тун Даоцзюнь обожал свои идеальные снимки со всех ракурсов.

— Заснято и сохранено на диске С системы, чтобы вы могли просмотреть в любой момент.

— Хорошо. — Тун Даоцзюнь удовлетворенно кивнул и вошел в дом. После такого эффектного жеста он проголодался, и наконец-то можно было поесть. М-м, еда, приготовленная матушкой Хэ, была просто восхитительна.

Скорость действий Шао Лиюя можно было назвать молниеносной. Не прошло и часа с тех пор, как Ин-эр передал ему письмо, как на чиновника, отвечавшего за прием документов, поступил донос на имя министра ритуалов. Поскольку дело было крайне серьезным, министр ритуалов был вынужден той же ночью просить аудиенции у императора.

Император пришел в ярость и немедленно приказал арестовать чиновника, бросить его в темницу, а Первый принц получил тайный приказ провести расследование.

Шао Лиюй стоял у окна, держа в руках письмо. Его пальцы нежно поглаживали изящные иероглифы, выполненные в стиле «тонкое золото». Его глубокие глаза светились мягкостью.

— Раз отец поручил мне это дело, я должен досконально во всем разобраться.

Чиновник, подавший донос, разумеется, был его тайным агентом, а министр ритуалов принадлежал к фракции Первого принца. Хотя он не планировал вмешиваться в экзамены, расставить своих людей было необходимо. Императорская наложница и Шао Цзисюн, хоть и находились под домашним арестом, не оставляли своих коварных замыслов.

Тот самый чиновник, о котором упоминал Тун Даоцзюнь, как раз принадлежал к их клике. Пользуясь служебным положением, он брал взятки, набивал карманы и подменял документы кандидатов, не прошедших отбор, чтобы те могли попасть на Столичный экзамен.

Трое мужчин, стоявших на коленях в комнате, были самыми доверенными советниками Шао Лиюя.

— Слушаюсь.

Советники удалились, но один из них, уже переступив порог, вернулся.

— В чем дело?

— Это касается молодого господина из поместья маркиза Цзинань.

Первый принц, простоявший у окна полчаса, не меняя позы, наконец обернулся к советнику.

— Говори.

— Просматривая документы, я обнаружил, что молодой господин из поместья маркиза подал заявку не только на гражданский, но и на военный экзамен. — Он искренне считал, что этот невероятно красивый, но хрупкий на вид юноша совершенно не знает меры. С его-то телосложением он бы и одного удара грубого вояки не выдержал.

Выражение лица Шао Лиюя не изменилось, он лишь слегка приподнял бровь, а затем, словно вспомнив что-то, улыбнулся еще теплее.

— И гражданский, и военный? — Он опустил взгляд на письмо в своих руках и прошептал: —

Малыш, сколько же еще сюрпризов ты мне преподнесешь.

Он был человеком крайне разумным. С самого детства он знал, чего хочет. Но ни власть, ни деньги, ни плотские утехы никогда не были его целью. Даже назойливые императорская наложница и Третий принц были для него лишь скучными игрушками, чтобы скоротать время.

В день Праздника фонарей он увидел Цзянь Хуншу. То, что он надел мешок на голову Шао Цзисюна и избил его, было случайностью. Тогда Шао Лиюю стало просто любопытно.

Но после той встречи на улице, когда он встретился взглядом с его удлинёнными, фениксовыми глазами, полными природного очарования, в глубине его души что-то дрогнуло.

Он хотел этого человека.

Это желание нахлынуло, подобно цунами. И хотя это чувство казалось внезапным, оно ощущалось донельзя естественным.

В его сердце возникло странное убеждение: эти фениксовые глаза должны смотреть только на него. Каждый раз, видя Цзянь Хуншу, он испытывал непреодолимый порыв обнять его, поцеловать, впитать в себя.

Благодаря письму, которое Тун Даоцзюнь передал Шао Лиюю, под поверхностью подготовки к экзаменам забурили скрытые течения. Пока Тун Даоцзюнь наслаждался комфортной жизнью в Южном дворе, атмосфера в соседнем Западном дворе стала мрачной.

Лицо Цзянь Цзяньжэня было чернее тучи. Он дал чиновнику три тысячи лянов, чтобы тот выкрал документы Цзянь Хуншу, но на следующий день, придя в условленное место, он прождал до самого вечера, но так никого и не дождался.

В конце концов, ему пришлось отправиться к дому того чиновника, где ему сообщили, что по приказу двора все чиновники, связанные с проведением экзаменов, не имеют права возвращаться домой до их окончания.

Не найдя человека и не получив документов, Цзянь Цзяньжэнь занервничал. У него было дурное предчувствие. А Цзянь Хуншу, намеренно или нет, перестал прятаться в своем Южном дворе и целыми днями разгуливал по передним залам.

Он и Шуй Чжуся жили в поместье как родственники семьи Цзянь. Как бы сильно Цзянь Чуцин ни недолюбливал Цзянь Хуншу, тот оставался законным наследником маркиза. Он был хозяином, а они — гостями, и выгнать его было невозможно.

Более того, люди, которых Цзянь Хуншу привел с собой несколько месяцев назад, вели себя странно.

Взять хотя бы управляющего Южным двором: с виду простак, но все слуги, которых он с матерью посылал туда выведать новости, возвращались ни с чем. А матушка Хэ? Эта мощная женщина с половником в руках смотрела на них так, что кровь стыла в жилах. А тот мужчина, что вечно следовал за Цзянь Хуншу? Холодный, с пронзительным взглядом, от которого бросало в дрожь.

Но больше всего их раздражала служанка по имени Чуньхэ. Неизвестно, какой волшебной пилюли она объелась, но из дурнушки она превратилась в настоящую красавицу. Шуй Чжуся не раз пыталась найти повод, чтобы наказать ее, но та каждый раз ускользала. Выгнать ее было нельзя — контракт о продаже в рабство находился у Цзянь Хуншу.

Неизвестно почему, но Цзянь Цзяньжэнь чувствовал, что все должно было быть совсем иначе.

Время текло незаметно, и вот наступило начало третьего месяца. Начались экзамены, весь столичный город пришел в движение. Экзамены проходили в «Гунъюань» (Палатах для экзаменов). Три дня кандидаты не имели права покидать территорию.

— Молодой господин, в верхнем ярусе корзины — кисти и тушь, во втором — лепешки и булочки. Мясные начинки быстро портятся, так что, как выйдете, матушка Хэ приготовит вам что-нибудь свежее. В самом низу — ваши любимые леденцы, — ворчала матушка Хэ, так переживая, будто провожала родного сына.

На самом деле она просто жалела Тун Даоцзюня. Мало того, что он рано остался без матери, так еще и маркиз был таким бессердечным: целыми днями только и делал, что ворковал с бесстыдной женщиной из Западного двора, лелея побочного сына и игнорируя законного наследника. Хм, раз отец не жалеет такого доброго юношу, то они, слуги, будут жалеть.

— Спасибо, матушка Хэ, — улыбнулся Тун Даоцзюнь.

Стоявший рядом Чжань Шань с бесстрастным лицом взял корзину.

Слугам не разрешалось прислуживать во время экзамена, но они могли помочь донести вещи до входа.

Как раз когда Тун Даоцзюнь с Чжань Шанем входили в ворота, внезапно появился Ин-эр.

— Молодой господин Цзянь, это мой господин велел передать вам. — Ин-эр протянул ему сверток в промасленной бумаге.

Тун Даоцзюнь слегка приподнял бровь. Чжань Шань потянулся было за свертком, но Тун Даоцзюнь перехватил его сам. Развернув уголок бумаги, он почувствовал густой аромат мяса —

внутри лежала куриная соломка с медом и хризантемами, приготовленная императорским поваром.

Это была его любимая закуска. Однажды, когда Шао Лиюй выбрался из дворца и пробрался в поместье, чтобы навестить его, он заметил соус на губах Тун Даоцзюня и внезапно поцеловал его. На следующий день Шао Лиюй прислал ему эту куриную соломку, и с тех пор ее хватало на несколько дней.

Соломка была еще теплой, и это тепло, проникая в ладони, согревало сердце. Тун Даоцзюнь почувствовал, как оно невольно забилось чаще.

Спрятав сверток в корзину, он набросал на бумаге пару слов и протянул Ин-эру: — Отдай это своему господину. Я пошел. — Он развернулся и шагнул за ворота Гунъюань, Чжань Шань поспешил следом.

Внутри были устроены отдельные кабинки. После того как экзаменаторы проверили вещи, они проставили номер на документах кандидата. Тун Даоцзюнь, сверившись с номером, нашел свою кабинку — к счастью, прямо посередине.

— Место с отличным фэн-шуй. Придется сидеть тут три дня. Ты с матушкой Хэ не ждите меня снаружи, на солнцепеке сгорите.

Чжань Шань промолчал, расставил принадлежности и ушел, когда пришло время начала.

Когда экзамен начался, в Гунъюань воцарилась тишина — слышно было, как падает игла. В отличие от других кандидатов, чьи лица были бледны от напряжения, Тун Даоцзюнь чувствовал себя весьма вольготно. Он развалился в кресле, подперев голову рукой, и жевал куриную соломку. Аромат хризантем и сладость меда дразнили рецепторы. Вкусно!

Как раз когда он с аппетитом жевал, раздался громкий голос экзаменатора: — Прибыл Первый принц!

Тун Даоцзюнь приподнял бровь. С половиной кусочка курицы во рту он повернул голову и увидел Шао Лиюя в абрикосово-желтом халате с вышитыми четырьмя драконами. Их взгляды встретились.

Тун Даоцзюнь слегка прищурил свои фениксовые глаза, подмигнул ему, проглотил курицу и медленно облизнул губы.

Черные глаза Шао Лиюя на мгновение блеснули, и он отвел взгляд. Экзаменаторы начали представлять его кандидатам, объявляя, что он будет лично следить за порядком эти три дня.

Пока остальные кандидаты вставали на колени, Тун Даоцзюнь был на седьмом небе от счастья.

— Ци-эр, как думаешь, Шао Лиюй пришел сюда надзирателем только потому, что соскучился по мне?

V587, которое мониторило весь мир, конечно, знало, что император сам назначил Шао Лиюя главным надзирателем. На самом деле, ему вовсе не обязательно было торчать здесь три дня — достаточно было появиться пару раз для вида.

— Это ты его соблазнил, — ответило V587 с явным презрением.

Потому что в записке, которую Тун Даоцзюнь передал Ин-эру перед входом, было написано: «Тоска по тебе стала безумием».

— Я не соблазнял, я просто сказал правду. Кто же виноват, что он такой заботливый и прислал мне целый пакет куриной соломки, чтобы было чем заняться?

Что касается тем экзамена, Тун Даоцзюнь вообще не переживал. Он унаследовал все знания Цзянь Хуншу, обладал мощной ментальной силой и фотографической памятью, а V587 могло в любой момент загрузить идеальный ответ, который точно понравится императору.

Поэтому экзамен прошел легко, а куриная соломка как раз помогла скоротать время.

Ох, его Первый принц — просто ходячая грелка, как же не скучать по такому человеку?

После того как Шао Лиюй занял свое место, экзаменатор с парчовой шкатулкой сделал шаг вперед и огласил темы. Гражданский экзамен начался.

Три дня пролетели незаметно. Пока другие кандидаты строчили без остановки, Тун Даоцзюнь справился за полдня. Оставшиеся два с половиной дня он жил по графику: от скуки строил глазки Первому принцу, от голода ел курицу, а когда уставал — спал на столе. Проходившие мимо экзаменаторы смотрели на него с выражением «из этого ничего путного не выйдет».

Тц-тц-тц, а еще называют его «известным талантом столицы», видимо, все это лишь пустые слухи.

Когда экзамен закончился, кандидаты выходили из ворот изможденными, с растрепанными волосами и дрожащими ногами. Их тут же подхватывали семьи и слуги.

— Почему молодого господина все нет? — Матушка Хэ вытягивала шею, полная тревоги.

— Не волнуйся, молодой господин вежлив, наверняка пропускает других, — сказал управляющий Чэнь, хотя сам нервничал не меньше.

Когда-то, подписывая контракт о продаже в рабство, он сомневался, но, познакомившись с Цзянь Хуншу, понял, что его хозяин — умный и добрый человек, который никогда не кичился своим положением.

Когда почти все кандидаты вышли, Тун Даоцзюнь, сияющий здоровьем, вышел последним.

— Молодой господин! Три дня в Гунъюань, вы, должно быть, устали? Дома уже готов питательный суп, — хлопотала матушка Хэ.

— Я не устал, эти три дня прошли очень даже неплохо.

Неудивительно — ел, спал, да еще и соблазнял любимого человека. Правда, тот в итоге не выдержал и сразу после экзамена затащил его в укромный уголок, чтобы хорошенько «проучить».

— Молодой господин, экзамен — это важно, но берегите себя! Посмотрите, вы так перенервничали, что даже губу прикусили! Сейчас же найду лекаря.

— А? Я не нервничал. — Тун Даоцзюнь кончиком языка коснулся ранки на нижней губе, его глаза-фениксы изогнулись, заставляя проходящих мимо кандидатов краснеть.

Это была его мужская гордость. Но отвара от жара все же придется выпить, потому что ему до сих пор было жарковато. И все из-за этого маленького демона Шао Лиюя.

Тун Даоцзюнь вернулся в поместье. Как только он вошел в ворота, навстречу ему вышел Цзянь Цзяньжэнь в роскошных легких доспехах, перегородив путь.

Чжань Шань хотел было выступить вперед, чтобы защитить Тун Даоцзюня, но тот остановил его жестом.

Цзянь Цзяньжэнь открыл рот, чтобы что-то сказать, но Тун Даоцзюнь опередил его: — Хорошая собака дорогу не загораживает. Отойди.

Экзамены вымотали его, а тут еще эти «быки и демоны» лезут под ноги. Просто ужас. Надо будет выпить лишнюю миску супа матушки Хэ.

Тун Даоцзюнь, не обращая внимания на его негодование, просто обошел Цзянь Цзяньжэня и направился в Южный двор.

Цзянь Цзяньжэнь от ярости позеленел. Доспехи были заказаны Цзянь Чуцином специально для него, чтобы он мог блеснуть перед экзаменами. Он как раз надел их, чтобы похвастаться, а этот «ублюдок» даже не дал ему слова сказать! В прошлый раз обозвал «ублюдком», а теперь,

при слугах, назвал «собакой»!

<http://bllate.org/book/22155/2307813>